

• СОДЕРЖАНИЕ •

Анна Данилова
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЖЕНЫ

7

Дарья Донцова
НЕРАВНЫЙ БРАК СИНЕЙ БОРОДЫ

23

Дарья Калинина
ГОРНЫЙ ШИПОВНИК

58

Анна и Сергей Литвиновы
«ГРАН-ПРИ»

96

Елена Логунова
ГЕНИЙ МУЖСКОЙ КРАСОТЫ

127

Татьяна Луганцева
НОВЫЙ ГОД ПО ЗАКАЗУ

157

Татьяна Полякова
ЧЕСТНОЕ ИМЯ

190

Лариса Соболева
«ИЗГНАННИК РАЯ ПРОЛЕТАЛ...»

230

Наталья Солнцева
МЕСОПОТАМСКИЙ ДЕМОН

275

Маргарита Южина
ПОКА НЕ ПРОБИЛИ КУРАНТЫ

304

АННА ДАНИЛОВА

• ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЖЕНЫ •

—Вы, насколько я понимаю, будучи разведены с женой, продолжали проживать с ней вместе, то есть в одной квартире?

Разговор длился уже около двух часов. Именно разговор, а не допрос, как ожидал Песцов. Он сидел перед следователем Ивлевым бледный, испуганный, и ему казалось, что все это ему снится. Его привезли в начале первого ночи сюда, совершенно невменяемого, посадили перед этим человеком в черном свитере и сказали, что сейчас начнется допрос. Он даже не помнил, кто это сказал. Но Ивлев не умел допрашивать. Он, устало вздыхая и морща нос, словно делая одолжение Песцову, спокойно задавал вопросы и, как казалось, почти не слушал ответов. Песцов нервничал. Из квартиры, откуда его привезли, унесли перед этим и тело его жены, Клары Песцовой. Он не помнил, как вызывал милицию. Он ничего не помнил. В памяти осталось только, как он вышел из своей комнаты и пошел в кухню, чтобы попить. И вот тогда первое, что удивило его, была тишина. Он знал, что у Клары гость. Вернее, не гость, а... Но это не имеет никакого значения. Главное — ее теперь не будет никогда. Никогда!

А это означало, что не будет и его — Лепешинского.

Они слушали Равеля. Они всегда его включали, если хотели, чтобы он, Песцов, не слышал ничего, что происходит за стеной. Слушали ненавистное ему «Болеро», которое — он хорошо это запомнил — уже достигло тех неистовых свистящих и орущих звуков фанфар, которые всякий раз выводили его из себя. Ему казалось, что в последующий момент он вывернется наизнанку вместе с квартирой и всем остальным миром, — настолько тяжела была ему эта музыка. Он не понимал, чего ради весь этот шум, эта безумная какофония. А перед этим он лежал у себя на диване и не знал, куда спрятаться от этой надвигавшейся на него безжалостной толпы взбесившихся музыкантов. Они шли полчищами, толпами, раздувая в апокалиптическом экстазе румяные от натуги щеки и раскачиваясь в такт ритмам этой бесчувственной стихии.

Да, он вышел из своей комнаты в кухню и подивился тишине. Диск, очевидно, закончился. Музыканты, истекая потом, уносили из квартиры свои раскаленные докрасна трубы, флейты, рожки, флажолеты и прочую свистящую дребедень.

В кухне по-прежнему пахло чесноком, черносливом и горелым жиром — это Клара жарила утку. Она праздновала свой день рождения. Сейчас стол был заставлен грязными тарелками, судками, помойное ведро ломилось от картофельной кожуры и лимонных корок.

Норковая шапка Лепешинского изысканно блестела холеным ворсом на вешалке, бросая невидимые блики величия на вислоухую беспород-

ную шапку-ушанку самого Песцова. В прихожей пахло растаявшим снегом и влажной дорогой кожей лепешинских сапог.

Хотя нет, все было не так. Норковой шапки ведь уже не было. Но об этом знает только он один. Но было действительно очень тихо. Он даже не услышал, как хлопнула дверь. Хотя вполне могло быть так, что Лепешинский не ушел, а просто выглянул в прихожую, взял шапку, а потом опять вернулся к Кларе, чтобы, скажем, с ней распрощаться... И все-таки он ушел.

Шел третий год, как они были в разводе. Но супруги — правда, бывшие — продолжали упорно поддерживать самые дружественные отношения, дарить друг другу подарки на дни рождения и праздники, оказывать друг другу разные мелкие услуги. Никто не хотел нарушать эту видимость приличия и нормальности отношений.

Да, это был, пожалуй, единственный момент всей их совместной жизни, когда он мог себе позволить зайти к Кларе вот так, запросто, и поздравить ее с днем рождения. Что он и сделал. Он постучал, но, не получив ответа, вошел...

Клара сидела в кресле, поджав ноги. Она совсем маленькая, Клара, маленькая и очень хрупкая. Она вся целиком умещается в этом старом кресле. Черное бархатное платье, крохотные бриллианты в розовых пухлых мочках, тонкая, нежная, опутанная нитками хрустальных бус шея...

Нет, все было не так. Клара сидела в кресле, поджав ноги. В лаковую туфлю еще стекала кровь. Она струилась из-под ножа, погруженного по самую рукоятку в ее горло. Бусы и платье были вымазаны кровью, слышались слабые хрипы и жуткие булькающие звуки. Голова Клары чуть от-

клонена назад и покоилась на спинке кресла, глаза были приоткрыты. Казалось, она спала. Вот поэтому, наверное, и было так тихо.

* * *

— Вы утверждаете, что регулярно встречались с Лепешинским. Вы знакомы с ним?

— Да. Он непосредственный начальник Клары, и во время ее болезни он не раз приходил подписывать какие-то бумаги...

— Разве простого бухгалтера не мог никто заменить?

— В их конторе, думаю, нет. Лепешинский очень доверял ей.

— Вы подозреваете его?

— Смотря в чем... Бухгалтерского дела я не знаю, но вполне допускаю, что Клара помогала ему проворачивать какие-то дела... цифры...

— При вас они не разговаривали о работе?

— Нет, только в самых общих выражениях.

— Он мог убить Клару?

— Думаю, да, ведь они были связаны, кто знает...

— А вы могли?

— Что?

— Убить вашу жену?

— Клару? Видите ли, для этого нужна причина, а нас мало что связывало...

Ивлев некоторое время смотрел в пространство. Потом он набрал номер домашнего телефона.

— Таня? Извини, что разбудил. Я приеду примерно в пять. Да, свари кофе, будь другом...

Взглянул на Песцова.

— Илья Петрович Песцов, — проговорил он задумчиво. — Звучная фамилия, меховая... Скажите, Песцов, а что вы намеревались подарить жене — бывшей жене — на день рождения?

— С чего вы взяли, что я собирался ей что-то подарить? Мы в разводе, и это совсем необязательно.

— Да нет, это я так просто спросил...

— Бусы из хризолита. К серьгам.

— Вы успели их подарить?

— Нет. Я же рассказывал, что, когда я вошел к ней, все уже было кончено.

Ивлев как-то странно усмехнулся. Песцов не понял этой усмешки и добавил для ясности:

— Я оставил бусы где-то... на ночном столике у себя в комнате, наверное. Я правда не успел их подарить.

— Очень может быть, но бусы в квартире не нашли. Но это, собственно, и неважно. Хотите курить?

Песцов дрожащими руками схватил предложенную ему сигарету.

— Вы вели общее хозяйство? Клара помогала вам?

— Когда как. Первое время я старался ужинать только в кафе. Знаете, хотелось быть независимым. У нас в доме, на первом этаже, есть кафе. Там работает соседка, она-то и готовила мне яичницу и оставляла стакан сметаны. Обедал я на работе, в столовой.

— А как же в выходные?

— В основном готовила Клара, — сдался Песцов. — Понимаете, мы старались поддерживать хорошие отношения.

— А сегодня? Она не приглашала вас к себе?
— Нет! — Песцов даже привстал на стуле. — Сегодня у нее был Лепешинский! Естественно, что я старался почти не выходить из своей комнаты. Хотя мы и были в разводе, но мне казалось неудобным привести в квартиру женщину, в то время как Клара и Лепешинский меня не стеснялись...

— Тот нож, которым была убита ваша бывшая жена, вам знаком?

— Конечно, — Песцов нервничал, но старался говорить как можно спокойнее. — Это наш кухонный нож, я им постоянно режу хлеб, сыр, ну, там... Но я не убивал Клару! И если на ноже обнаружили мои отпечатки пальцев, это еще ни о чем не говорит!

Ивлев потянулся и покачал головой:

— Прошло всего несколько часов... Вы сильно идеализируете нашу оперативность. Отпечатки, если они и есть, будут готовы — самое раннее — завтра к обеду, и это еще в лучшем случае.

— У меня такое впечатление, что вы все знаете, — вдруг произнес скандальным голосом Песцов и раздавил окурок в пепельнице. — Если вы действительно знаете все, так, может, и мне расскажете, кто убил Клару?

— Что вы кричите? — зябко поежился Ивлев, так, словно его только что разбудили и прервали приятный сон. — Посмотрите на окна — ночь. Тихо. Все спят. Я бы тоже не отказался поспать... Но мне приходится беседовать с вами. Я действительно знаю, кто убил Клару, но до этого мы должны дойти с вами вместе. Вернее, вы должны помочь мне, поэтому давайте так: я задаю вопро-

сы, самые разные и подчас неожиданные, к тому же очень быстро, а вы отвечаете. Вот и все. Это же не утомительно? К тому же я постараюсь задавать вам такие вопросы, которые будут интересны как мне, так и вам. Ну как, договорились?

Песцов насторожился, а потом махнул рукой: он понял, что другого варианта все равно не будет.

— Ваша жена хорошо готовила?

— Да, в этом плане мне повезло.

— Вы развелись из-за Лепешинского?

— Нет. Хотя кто знает... Клара всегда говорила, что у нас нет детей из-за меня...

— ... Но у вас есть внебрачный ребенок, и вы уверены в себе, — скороговоркой, морщась, продолжил Ивлев, после чего зевнул.

— Но я здоров! — воскликнул Песцов.

— И вы, конечно, не поддерживаете отношений с этой женщиной? — продолжал в том же духе мрачный Ивлев.

— Да, но откуда вам это известно?

— Да потому, Песцов, что никакого ребенка нет и не было, как не существует и этой женщины... Все это вы придумали для своих друзей, чтобы как-то оправдать развод... И мне еще врете, — закончил он почти обиженно. — Ивлев откровенно скучал. — Ваша жена хорошо вас знала?

— В каком смысле?

— Во всех.

— Тогда — слишком.

— Наверное, это вас сильно раздражало?

— Да, в некоторой степени. Понимаете, она превратила мою холостяцкую квартиру в некое подобие семейного рая, знаете, с теплыми тапоч-

ками, пирогами, наливочками и вечерним телевизором... Я не мог ничего сказать против — меня это обволакивало, засасывало... Клара мне даже руки глицерином от цыпок смазывала, а потом надевала мне специально сшитые для этого фланелевые варежки на резинках!..

— И вы, конечно, завели себе любовницу, — подытожил умный Ивлев.

— Конечно! — с жаром согласился Песцов, довольный, что его поняли как мужчину. Он расслабился и знаком попросил разрешения закурить. — Я же нормальный...

— Ваша жена не была вашей женой в полном смысле этого слова?

— Это сложный вопрос. — Песцов замер с сигаретой в руке. — Давайте я лучше расскажу вам про Катю. Мы работаем вместе, и это случается, как правило, в обеденный перерыв. У меня свой кабинет, и мы запираемся... — Песцов вспотел и вынужден был расстегнуть воротничок и ослабить галстук. — Видите ли, не у всех же дома все ладится. Так поступают многие мои приятели. Это не считается изменой.

— Вы любите Катю?

— В некоторой степени. Словом, я не собирался на ней жениться. Хотя на прошлой неделе она сказала, что беременна.

— Так почему же ваша жена не выполняла своих супружеских обязанностей?

— Как не выполняла? Я как сыр в масле катался! Я ведь не зря вам про варежки...

— Песцов, вы же взрослый человек... — У Ивлева было такое выражение лица, словно он готов был покрутить пальцем у виска и с трудом

сдерживался, чтобы не сделать этого, и тогда Песцов понял и замолчал.

Ивлев подошел к окну. Стекла обледенели. Он представил, что через каких-нибудь полтора-два часа все закончится, и он со спокойной душой выйдет отсюда и медленно пойдет по этой заснеженной дороге домой. Подышит перед сном морозным воздухом, поднимется по лестнице, откроет дверь своим ключом и войдет в теплую прихожую, где его встретит Таня, размотает ему шарф, стряхнет с шапки снег и поведет в кухню, пить кофе... Он с трудом вернулся мыслями в кабинет и обратил свой взгляд на растерянного Песцова.

— Сколько лет вы знали Клару?

— Три года в разводе плюс год в браке. Итого четыре, — подсчитал Песцов.

— А где же еще полтора года, а? Или вам изменяет память? Должно получиться пять с половиной лет. Или вы уже совсем не помните, что произошло в 2001 году, в октябре? Событие, которое потрясло весь город? Нет? Ладно, отдохните минуточку, я пока допью свой чай, правда, он совсем остыл...

— Я подобрал ее на вокзале...

— Сначала расскажите, как и где вы познакомились с Лепешинским.

— Он месяц проработал в нашей фирме. А по выходным нас собиралось несколько человек, и мы у Лепешинского играли в преферанс... Знаете, пиво, карты — сугубо мужская компания. Он умеет отдыхать. Потом все как-то распалось, а мы продолжали оставаться приятелями...

— Вы сказали, что подобрали ее на вокзале...

— Да, она там, если так можно выразиться, работала...

— Вы не боялись заразиться?

— Я привел ее домой и заставил помыться. В тот вечер у нас ничего не было. К тому же она совсем обессилела от голода и упала прямо в ванной на пол... А на следующий день я отвел ее к знакомому врачу. Он осмотрел ее, прописал уколы, и она некоторое время лечилась, а потом, через две недели, когда все анализы были готовы...

— Она была красивой девушкой? Брюнеткой, кажется?

— Да, у нее были черные волосы, коротко остриженные... Что-то еврейское было в ее губах и глазах... Я стал покупать ей красивые вещи, мне самому было это приятно. Правда, она первое время удивляла меня. Сказывались привычки. В тот первый день, когда я накормил ее, она разделась, представляете, и легла... Это было так дико! Я раньше никогда не имел дела с подобными женщинами.

— Вам показал ее Лепешинский?

Песцов замолчал. Он понял, что сказал лишнее.

— Кто устроил ее на работу? — не дав ему опомниться, спросил Ивлев.

— Никто, — растерялся Песцов. — Она сама.

— Что, прямо вот так, с улицы, и в бухгалтеры? Ведь Клара работала бухгалтером.

— Да, верно, — успокоился Песцов. — Она же окончила бухгалтерские курсы.

— Вы знали, что у нее никого нет, кроме бабки в Каменке?

— Знал.

— Вы не дальтоник?

— Нет, — насторожился Песцов. — А что?

— Вспомните, пожалуйста: вы зашли в комнату Клары, она сидела в кресле, так?

— Так! — Песцов весь обратился в слух, боясь пропустить хоть слово.

— Насколько я помню, ваша жена была в черном платье?

— Да.

— Какие украшения были на ней?

— Серьги, бриллиантовые...

— Вы хорошо представили себе всю эту картину? Вот она сидит... ну?

— Я что-то не понимаю вас...

— Какого цвета были волосы у Клары?

— Рыжие! — уверенно воскликнул Песцов и облегченно вздохнул.

— Сколько раз за пять с половиной лет, как мы с вами насчитали, вы были близки со своей женой?

— Я собирался это сделать сегодня! — чуть не плакал Песцов. Он был, казалось, убит этим признанием. Со лба его стекал пот. Ивлев дал время ему собраться мыслями.

— Она ждала вас? Она хотела этого? Или, быть может, ей позволил Лепешинский?

— Она ждала меня! — закричал Песцов. — Когда я вошел и увидел ее, она сидела в кресле и была так соблазнительна, что я...

— Не понял, — Ивлев поднялся со стула, — с ножом в горле она показалась вам соблазнительной? Вы извращенец, Песцов! Вы не садист, слушаем? Так что она вам сказала?

— Не кричите на меня! — Песцов зажмурил глаза и обхватил ладонями лицо.

— Тогда я скажу вам. Скорее всего, она не была настроена принимать вас вечером и постаралась объяснить вам это как можно более вежливо, но у нее, по всей вероятности, это не очень-то получилось...

— Она сказала, что он вернется!.. Он поехал отгонять машину в гараж, у нас совсем не оставалось времени... Она тоже была расстроена.

— Как вы думаете, Лепешинский догадывался, что Клара согласилась уступить вам?

— Я не знаю, — проговорил Песцов упавшим голосом. — В любом случае, она бы не сказала... Она сильно изменилась ко мне в последнее время. Лепешинский давил на нее, она тоже устала.

— Как скоро они должны были пожениться?

— Через три месяца. Он ждал развода. Они собирались за границу, хотя Клара уже не верила ему. Ведь сколько времени прошло...

— Куда вы дели тело убитой вами Люды Фроловой, которую вы по приказу Лепешинского подобрали на вокзале, отмыли и устроили к нему же в фирму кассиршей?

Песцов курил, опустив голову.

— Вот вы все говорите: фирма, фирма. А ведь правильнее было бы сказать — фирма-посредник. В 2001 году, если мне не изменяет память, Лепешинский должен был выплатить своим поставщикам за чернобурых лис и свинину более двадцати миллионов рублей. Я отлично помню это дело. Тело несчастной девушки, которая везла эти деньги из банка, до сих пор не найдено. Во всяком случае, до сегодняшнего дня...

Песцов вздрогнул.

— Шофер вахтовой машины, сидевший в тот день за рулем, был обнаружен в кабине с разбитой головой. Он ничего не помнил. Кто оглушил его — вопрос! Скорее всего, сама Фролова, которая сидела сзади.

Песцов попросил воды и залпом выпил целый стакан.

— Что же это вы, Песцов, запутались в своих женщинах? Оказывается, Люда Фролова — одна девушка, Клара — совсем другая. Одна — брюнетка, другая — рыжая. И еще говорите, что вы — не дальтоник! Люда была нужна вам, чтобы ограбить фирму и разбогатеть на пару с Лепешинским, так сказать, мозговым центром в вашем деле, а Клара — так, прихоть и давняя любовь Лепешинского, который в силу сложных семейных обстоятельств — мне это еще предстоит выяснить — не мог жениться на ней вначале, а потом и вовсе раздумал. Его вполне устраивало, что Клара живет под вашей охраной, на ваши средства и что встречаться он с ней может, когда ему заблагорассудится, не считаясь с вами. Он не учел только одного: что вы сможете полюбить свою «жену». Да и ей все это порядком надоело... Вы правильно подметили: она перестала верить ему... Он шантажировал вас... кладовкой...

Песцов не поверил своим ушам.

— Зачем вы убили Клару?

— Я не убивал ее!

— Я бы на вашем месте убил Лепешинского. Честное слово — в этом было бы больше смысла. Какая-то странная у вас логика, поэтому я так долго и распутывал этот клубок... Хотя, собст-

венно, не так уж долго. Знаете, в чем ваша ошибка? Надо было кладовку несколько иначе пере-конструировать... А так сразу заметно, что она на два метра меньше... Я, например, сразу это увидел.

— Нет! — Песцов весь как-то съезжился, подобрался, словно под стулом натекла лужа воды. — Я ничего не знаю!

— Знаете, кого вы мне напоминаете с этими дурацкими ужимками и фразами вроде: «Я ничего не знаю»? — передразнил он Песцова. — Бездарного актеришку! Сплошное позерство.

— Из-за этой кладовки я и женился, — заскулил Песцов. Он устал, и его сильно трясло.

— Обыкновенный шантаж. Дело ясное. Боже мой, как же это все тоскливо! Любовницы, шантаж, труп кассирши, убитой и замурованной в стене кладовки! Неужели вам никогда не хотелось плюнуть на все и уехать, исчезнуть с глаз этого гениального Лепешинского? И куда, кстати, вы потратили свои деньги? Ведь десять миллионов все-таки.

— Они дома. Я не мог их тратить с тем удовольствием, как тратил, скажем, свои премиальные. Мне постоянно казалось, что весь город знает, что это я убил Люду. В тот день, да, это было осенью, она прибежала ко мне возбужденная, бросила на пол брезентовую сумку и повисла у меня на шее. Потом из комнаты вышел Лепешинский, и мы принялись разрезать брезент. Мы обещали, что поможем ей уехать из города. Знаете, она нисколько не смущалась того, что сделала, и объяснила это тем, что лучше зарабатывать деньги вот так, нежели на вокзале, на заплеван-

ном полу... Она ничего не боялась. Из кармана она достала молоток, которым стукнула шофера. Лепешинский взял молоток в руки и, когда Люда склонилась над сумкой... ударил ее... Дальше было все как во сне. Мы разделили деньги. Люда все еще лежала на полу. Странно, но крови нигде не было. Когда мы проверяли, жива она или нет, Лепешинский сказал, что это здорово — не придется отмывать пол.. Но когда поняли, что она мертва, Лепешинский сразу стал собираться. Ведь по плану мы должны были вывезти тело за город... Вот тут-то он и посоветовал мне замуровать ее в кладовке. Я, говорит, тебе завтра кирпичи привезу и цемент. Это, так сказать, мой вклад. Он и привез, ночью. Мы вместе перетащили все это ко мне. Потом он уехал... В квартире уже начали топить, и стоял такой запах... Я никак не мог поставить ее так, чтобы она уместилась в ширину. Тогда я придумал завернуть ее в мешковину. Она уже застыла... Я чуть не свихнулся! И тогда Лепешинский, боясь, что я сойду с ума или как-то выдам его, достал мне путевку в Югославию. А когда я приехал, он мне всучил Клару. Сказал, что так всем лучше будет...

— Клара ничего не знала о кладовке, о Люде?

— Нет, что вы!

— А куда вы собирались спрятать тело Клары?

Песцов долго молчал. Он почему-то успокоился, даже дрожать перестал и сник.

— Знаете, — начал он тихо, словно декламировал, разгоняясь, стихотворение, — мне казалось, что, если я войду в комнату во второй раз, она будет так же улыбаться мне, что она будет живая, понимаете? Да, она мне не грубила, нет, просто

сказала, что Лепешинский может вернуться в любую минуту. А я пришел к ней с подарком, не бог весть с каким... — Песцов достал из кармана пиджака нитку хризолитов и осторожно положил ее на стол перед Ивлевым.

— Зачем вам понадобилось убивать ее?

— Он смотрел на меня из всех углов комнаты, смотрел и смеялся... Он стоял с раскинутыми руками и говорил мне, что он здесь хозяин, что ему принадлежит и Клара, и я... А ведь она ждала меня, а не его! Этот вечер должен был стать моим триумфом, если хотите, а он должен был вернуться с минуты на минуту и забрать у меня Клару... И тогда я понял, что если будет Клара, то будет и он.

— А как у вас в руках оказался нож? Вы пришли с ним? Вы уже знали, что убьете Клару?

— Да нет же! — с досадой воскликнул Песцов. — Я шел, чтобы подарить бусы и поздравить ее. Но когда она мне сказала, что он может прийти... На столике стояли фужеры, вернее, два фужера, один был еще с вином, он должен был вернуться и допить его... Я увидел сыр и сказал, что сто лет не ел сыра. Все произошло очень быстро. Просто я понял, что проиграл.

Ивлев посмотрел на Песцова, потом на часы: без четверти пять. Потом перевел взгляд на бусы и вспомнил женщину в кресле. «Да, подарок», — подумал он и начал собираться.

ДАРЬЯ ДОНЦОВА

• НЕРАВНЫЙ БРАК СИНЕЙ БОРОДЫ •

Если хочешь быть счастливым — будь им. Не я придумала этот замечательный афоризм, но абсолютно с ним согласна. В жизни людей в основном происходят одинаковые события, мы все плаваем в одном житейском море, вопрос лишь в том, как относиться к тому, что с тобой случается. Для одной женщины ожидание ребенка огромное счастье, несмотря на отсутствие мужа, близких родственников, денег и жилья, она обожает еще не рожденного малыша и в конце концов преодолеет все испытания. Другая, сидя в трехэтажном доме в окружении заботливого супруга, хлопотливой мамы и нежной сестры, отодвинет от себя банку с черной икрой и заночует:

— Боже! Я страшная, толстая, уродливая, меня тошнит по утрам! Из-за живота не могу поехать отдыхать на юг! Катастрофа!

И так девять месяцев подряд. А теперь скажите, кто из двух будущих мамаш счастлив? По логике вторая, но получается, что первая.

Я откинулась на спинку кресла. Автобус, мерно покачиваясь, завернул за темно-синюю гору.

— Сколько нам еще ехать? — капризно-обиженным тоном протянула пассажирка, сидевшая передо мной.

— Подожди, милая, — ответил мужской голос. — Через десять минут будем на месте.

— Ты говорил то же самое полчаса назад! — не успокаивалась тетка. — Отвратительная дорога. Серпантин. Если обратно придется ехать тем же путем, это сведет на нет все удовольствие от отдыха!

Я посмотрела в окно и зажмурилась, создалось ощущение, что большой пассажирский «Мерседес» завис одним боком над пропастью.

— Хочу пить, — громко заявила соседка.

Послышалось тихое шипение.

— На, дорогая, я прихватил с собой из самолета, — услужливо сказал муж.

— Фу, Андрей! — возмутилась капризница. — Ты в своем репертуаре! Жаден до мозга костей! Ну как можно брать газировку из лайнера?

— Почему нет, Олюшка? Стюард принес пару бутылок, я все не выпил, не оставлять же напиток? Кстати, билеты до Афин недешевые, в их стоимость входят еда и питье, которое пассажирам подают на борту. Авиакомпания не разорится.

— Жлоб, — коротко резюмировала жена.

— Вовсе нет, — без всякой агрессии ответил муж, — просто я хозяйственный. Надо думать о деньгах, а не разбрасывать их направо-налево. Право, глупо покупать минералку, если ее можно получить бесплатно!

— Я хочу пить! — противным голосом повторила Ольга.

— Угощайся, милая.

— Эту не буду!

— Но почему?

— Она из самолета! Протухла!

Я закрыла глаза. Однако у Андрея ангельское терпение. Эту парочку я заприметила еще в Москве, они тоже проходили через VIP-зал. Когда мы с Аркашкой и Марусей вошли в просторную комнату, где вежливо улыбающийся таможенник начал досматривать мой багаж, Андрей и Ольга уже находились там, сидели на диване в ожидании паспортного контроля. Я устроилась в кресле неподалеку от них, и дети начали раздавать мне указания.

— Мать, не забудь как следует намазаться кремом от солнца, — велел Аркадий.

— Мусечка, не выключай мобильный даже ночью, — приказала Маша.

Я покорно кивала, ожидая момента, когда объявят посадку.

— Будь осторожна с местной кухней, — напутствовал Кеша, — она специфическая, острая и может спровоцировать гастрит.

— Не заплывай далеко, — вторила ему Машка.

— Послушайте, я не впервые лечу к Наташке! У нашей баронессы Макмайер на Эгейском море собственный дом, у меня там есть личная спальня с ванной, до потолка набитой солнцезащитными средствами. В особняке служит повар, который готовит европейскую еду. Может, он ради экзотики и состряпает нечто из йогурта, чеснока, зелени, перца, баклажан и баранины, но в основном я буду лакомиться все той же куриной грудкой. Ей-богу, вам не о чем волноваться! — не выдержала я.

— Ты первый раз летишь одна в Грецию, — вздохнула Машка, — нам тревожно.

— Кое-кто обожает приключения, — нахму-

рился Кеша, — наверное, следовало отправить с тобой Оксану!

— У нее ремонт! — воскликнула я. — И потом мне же не десять лет! Я давно справила совершеннолетие!

Маруся тяжело вздохнула, а Аркадий тихо буркнул:

— Ты полагаешь?

— Хватит грызть мусечку, — остановила Маня брата, — в конце концов одна она будет всего несколько часов в самолете! В Афинах ее встретит Наташка.

— Действительно, — подхватила я, — давайте лучше чаю попьем!

Кеша поманил официантку, и мы стали наслаждаться вкусным напитком, невольно слушая, как пара, сидевшая на соседнем диване, выясняет отношения. Вернее, муж помалкивал, а вот жене все было не по вкусу. Дама безостановочно капризничала, требовала одновременно чай, кофе, колу, компот, страдала от жары и холода, хотела есть, спать, читать.

— Иногда человека так закалит семейная жизнь, что он перестает бояться загробной, — заявил Кеша, косясь на дамочку.

— Очень надеюсь, муся, что ты не окажешься с ней рядом в самолете, — шепнула мне на ухо Машка, — жуткая зануда! Такая всю дорогу испортит.

Увы, Машкины надежды не оправдались. Мое место оказалось около окна, а по левую руку села та самая невыносимая тетка и всю дорогу шпыняла своего терпеливого мужа. Перед посадкой в Афинах у меня заболела голова, и я с огромным

трудом сдержала желание спросить у несчастного Андрея: «Скажите, какое успокаивающее вы регулярно принимаете? Наверное, это замечательные таблетки, раз они помогают выносить столь занудную спутницу жизни».

Не успела я сойти с самолета, как раздался звонок мобильного и Наташка простонала:

— Дашута! У меня мигрень!

— Бедняжечка, — сочувственно сказала я, — ложись в кровать.

— Я не сумела тебя встретить! По серпантину с больной головой не рискнула ехать. А шофер позавчера уволился!

— Ерунда! — бойко воскликнула я. — Сейчас автомобиль найму.

— Лучше садись на автобус, — перебила Наташка, — местные таксисты экстремальщики, несутся по горам сломя голову, а транспортная компания нанимает опытных водителей. Иди на площадь, тебе нужен девятый маршрут, его конечная в двух шагах от моей виллы.

Я пошла в указанном направлении, без особых проблем села в здоровенный «Мерседес» и через десять минут дороги поняла, что моя подруга была права. Машины с надписью «taxi» летели мимо медленно плюхающего автобуса как сумасшедшие, их слегка заносило на крутых поворотах. Сиди я в одной из легковушек, давно бы заработала инфаркт. А так, если не смотреть в окно, путешествие до маленького городка на Эгейском море могло даже показаться приятным. Вот только противная зануда Ольга и ее воспитанный муж вновь очутились рядом, теперь они сидели передо мною.

Я засунула в рот мятную конфетку — в любой, даже неприятной ситуации можно найти положительные моменты. Теперь я не вижу надутого лица Ольги. Правда, прекрасно слышу ее голос.

— Хочу в туалет, — в очередной раз закапризничала баба.

— Милая, потерпи, — ласково попросил муж.

— Не могу! Останови автобус.

— Здесь одни горы, — логично заметил Андрей.

— Найди лес! — потребовала жена. — Прямо сейчас!

Я улыбнулась, потом мне стало любопытно: интересно, как мужчина отреагирует на последнее заявление?

— Солнышко, — недрогнувшим голосом ответил Андрей, — думаю, скоро будет заправка, при ней непременно есть туалет.

— Платный, — язвительно уточнила жена, — тебе придется потратить драхмы!

— Это оправданно, — засмеялся супруг.

Автобус резко повернул вправо и стал притормаживать.

— Ну? Что я говорил? — обрадовался муж. — Сейчас ты сможешь привести себя в порядок.

— Я хочу посрать, — грубо ответила Ольга и встала.

Скандалистке удалось растолкать остальных пассажиров и первой выскочить из «Мерседеса». Я видела в окно, как дама торопится к небольшому магазинчику, очевидно, у нее было свое понятие о красоте, потому что, в отличие от других людей, одевших в дорогу джинсы и кроссовки, Ольга нацепила узкую, вызывающе красную,

слишком обтягивающую бедра юбку из какого-то блестящего материала, розовый топик, щедро осыпанный стразами, и ярко-красные туфли на высоченном каблучке, на руке у нее покачивалась объемная модная сумка из бежевой лаковой кожи.

Я не стала выходить из автобуса, небольшая площадка у заправки была раскалена от солнца, лучше посидеть в прохладном салоне, поджидая, пока остальные пассажиры сходят в туалет и выкурят сигаретку. Четверть часа пролетели быстро, народ потянулся на свои места. Очень скоро на солнцепеке остался один Андрей. В отличие от жены он был одет в более подходящий для поездки костюм: легкие льняные брюки, бело-серую футболку и сандалии.

Шофер высунулся из окна и крикнул на ломаном английском языке:

— Сэр, нам пора отъезжать!

— Простите, пожалуйста, жена замешкалась, — отозвался Андрей. — А! Вот и она! Еще раз извините! Дорогая, автобус ждет!

— Не развалится! — гаркнула в ответ Ольга, приближаясь к супругу.

Шофер поднял стекло, и я перестала слышать женщину, но видела, как она отчаянно кривит рот, очевидно, выдает муженьку новую порцию гадостей. Ага, теперь мадам еще и размахивает руками, держит в правой рожок с мороженым, в левой банан и попеременно откусывает то от одного, то от другого... Андрей же стоит, опустив голову.

Внезапно что-то мне показалось странным, но тут Ольга стремглав ринулась в автобус, Андрей поплелся за ней.